

Неразличение автором рецензируемой монографии типов значений и пренебрежение теорией ономастики приводит к недифференцированному подходу к истокам возможных ассоциаций при создании нового товарного знака.

В главе «Эстетика» Дж. Пранингас рассматривает поэтические и другие литературные приемы, использующиеся при создании товарных знаков. Это — рифма (например, *SPEED FEED*), аллитерация (*PICK-A-PACK*), прония (*ANT DINER*), гиперболы (*FITZ-ALL*), персонификация (*AIR MAID*), метонимия (*PILLOW WALKS* — товарный знак для обуви), метафора (*TURTLE BACK — a sponge*), архаические формы (*WEED-B-GONE* < *Weed be gone*), избыточная информация (*PREDICASTS* < *predict and forecast*), множественность выбора, напоминающая каламбур (*B-KLEER* — где компонент В — может быть либо первой буквой слова *bottle*, ибо речь о товарном знаке состава для мытья бутылок, либо этот же компонент может рассматриваться как начальная буква слова *be*, т. е. *B-KLEER* < *Be clear!*).

Включение в главу «Эстетика» стяжений, основанных на контаминации компонентов товарного знака (*blends*), представляется не вполне удачным, поскольку этот материал скорее принадлежит главам «Синтактика» и «Морфемика».

К числу достоинств монографии относится неизменное стремление автора резюмировать свою работу в выводах по главам и по книге в целом. Сочетание синхронного подхода к анализируемым явлениям с элементами диахронии проведено с необходимым научным тактом, несмотря на отдельные ошибочные гипотезы автора.

Нагляден и убедителен лексический материал, представленный в приложении. Солидные библиографические источники, среди которых выделяются труды классиков американской лингвистической школы, подкрепляют наше мнение о рецензируемой работе как о серьезном труде, свободном от конъюнктурного подхода к социолингвистическому материалу. Автор вполне убеждает читателя в том, что словесные товарные знаки, будучи ори-

гинальным пластом лексики, не выходят за пределы естественного языка. Отдельные просчеты автора в трактовке тех или иных проблем не снижают общелингвистического значения работы, так как многие принципиальные вопросы лингвистики попадают в поле зрения исследователя. Мы имеем в виду проблему отдельности слова и в особенности вопрос о разграничении сложного слова и словосочетания, мотивированность языкового знака, вопрос о графической традиции, вопросы словообразовательного анализа и др. Подобные вопросы было бы полезно в будущем осветить нашим исследователям на материале советских товарных знаков с привлечением разных по строю языков народов СССР, синхронно и в историческом плане, сопоставляя с рекламой США и других стран, с учетом социальных различий. Интересные работы по товарным знакам были опубликованы сотрудниками ЦНИИПИ и другими советскими исследователями за последние годы как в нашей стране, так и в зарубежной печати⁶.

Вопрос о товарных знаках, являющийся центральным при изучении языка рекламы, не исчерпывает новой языковедческой проблематики. Представляется перспективным также научный анализ синтаксиса и стилия языка рекламы.

З. П. Комолова, А. Е. Карпович

⁶ Например: W. A. Moskowich, *Typological classification of information retrieval languages and transcriptions*, «Information retrieval among patent offices, 7-th annual meeting [of the United International Bureau for the protection of intellectual property]», ed. by H. Pfeffer, Geneva, 1968; А. Л. Васильевский, О некоторых особенностях языка патентной литературы, «Труды III Всесоюзной конференции по информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке научно-технической информации», I, М., 1967; З. П. Комолова, Семантическая мотивированность прагматиков (на материале товарных знаков СССР и США), сб. «Вопросы семантики», М., 1971.

«System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe». I. Numeruszeichen und Nominalflexion. Von Ago Künnap.—Helsinki, 1971, Suomalais-Ugrilainen Seura. 204 стр. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia. 147).

Рецензируемая книга А. Кюннапа состоит из краткого предисловия (стр. 3—4), введения, трех глав (I. — Показатели числа, стр. 18—55; II. — Падежные окончания, стр. 56—155; III. — Притяжательные суффиксы, стр. 156—182) и ряда приложений

(источники цитируемых самодийских материалов, литература и принятые сокращения, парадигмы словоизменения камасинского языка из неопубликованной рукописи М. А. Кастрена, небольшой отрывок текста, записанного автором книги,

с переводом на немецкий язык — стр. 183—201)¹.

Во «Введении» (стр. 7—17) даются краткие сведения о камасинском языке как единственном еще в какой-то мере сохранившемся самодийском языке Саянского нагорья и его носителях, о двух последних информаторах, уроженках селения Абалаково на Саянах, об источниках, содержащих материалы камасинского языка, сообщаются сведения о более ранних работах по этому языку и о принятой в исследовании транскрипции.

Композиция книги в целом продумана последовательно. Камасинский язык, как и другие самодийские языки, не имеет специального показателя ед. числа, и в двух разделах первой главы (стр. 18—55) анализируются соответственно оформители двойств. числа (стр. 18—31) и оформители мн. числа (стр. 31—55). Оба раздела построены по однотипной схеме: вначале сообщаются материалы камасинского языка, причем выделяются числовые формы существительных, местоимений, и особо рассматривается, как передается число в лично-притяжательных суффиксах и личных окончаниях; затем приводятся сведения из других саяносамодийских языков и данные селькупского языка. В каждом разделе приводятся соответствующие материалы и по северносамодийским языкам: юракскому (по нашей терминологии, ненецкому), енисейско-самоедскому (геср. энецкому), тавгийскому (геср. нганасанскому)². Необходимость привлечения сведений по другим самодийским языкам, в том числе северносамодийским, диктуется принятым в работе сравнительно-историческим методом. В заключение каждого раздела обсуждается вопрос о происхождении данного числового показателя камасинского языка и возможных источниках его возникновения, причем обстоятельно излагаются существующие по этому поводу точки зрения. В ходе изложения обосновываются выводы автора книги, а реконструкция праформ доводится сначала до древнесамодийского, а затем — до древнеуральского праязыкового состояния.

Наибольшей по своему объему является, естественно, вторая глава (стр. 56—

155), в которой рассматриваются падежные форманты; строится она по тому же плану, что и первая глава.

В камасинском языке имеется два склонения: абсолютное и притяжательное. В абсолютном склонении выделяется семь падежей: номинатив, генитив, аккузатив, латив, локатив, аблатив и инструменталь. В притяжательном склонении только четыре падежа: «номинатив-генитив-аккузатив», «латив-локатив» (как их называет автор), аблатив и инструменталь; лишь в единичных случаях встречаются отчетливо выраженные притяжательные формы генитива и локатива. Падежные форманты, по мнению А. Кюннапа, свойственны существительным, прилагательным, местоимениям, наречиям, послелогам, инфинитным формам глагола. В ед. и мн. числах употребляются одни и те же падежные окончания, но в ед. числе они присоединяются к основе, во множественном — к показателю числа. Вполне аналогичную структуру имеют падежные формы ед. и мн. чисел селькупского языка, отличающегося тем самым от северносамодийских языков.

Каждый падеж описывается отдельно в указанном для первой главы порядке, сначала в абсолютном, потом — в притяжательном склонении. Для параллельного рассмотрения падежных форм притяжательного склонения с падежными формами абсолютного склонения имеются основания, хотя стройность изложения выиграла бы от их отдельного анализа, тем более что по своему количеству они не совпадают. Так, форма «номинатива-генитива-аккузатива» притяжательного склонения включена в число параграфов, отведенных генитиву абсолютного склонения, а форма «латива-локатива» притяжательного склонения дается после аблатива абсолютного склонения.

При характеристике каждого падежа освещаются особенности его образования и употребления в предложении. Приводятся соответствующие иллюстрации, аналогии с другими самодийскими языками, а в ряде случаев — и с аналогичными формами финно-угорских языков и уральского праязыка. В книге критически суммируются взгляды на данную форму и ее происхождение исследователей уральских языков.

Из числа субъектно-объектных падежей³ довольно большое место отведено генитиву. И это не случайно. В зарубежной литературе вопрос о происхождении генитива и даже о правомерности его вы-

¹ Книга основывается на более раннем исследовании автора [А. Ю. К ю н н а п, Флексивные суффиксы камасинского языка (в сравнении с флексивными суффиксами других южносамодийских языков). Автореф. канд. диссерт., Тарту, 1969], успешно защищенном в качестве кандидатской диссертации (рукопись ее хранится в Институте финно-угорских языков при Тартуском гос. университете).

² Названия самодийских языков сохранены А. Кюннапом в том виде, как они даны в свое время М. А. Кастреном и продолжают применяться в большей части зарубежной литературы.

³ При определенной структуре предложения имя в форме генитива северносамодийских языков употребляется для выражения субъекта действия, а в энецком языке — и для выражения прямого объекта. Тем самым имеются основания для отнесения этой падежной формы к числу субъектно-объектных падежей.

деления в качестве особой падежной формы остается еще в известной мере дискуссионным. Так, по мнению И. Н.-Шебештен, генитив в парадигме флексий камасинского языка (как и других самодийских языков) является лишь «теоретическим падежом», а показатель этой формы *-n отождествляется ею с суффиксом одного из локативных падежей⁴.

Имеющийся камасинский материал, а также данные других самодийских языков, по нашему мнению, не мотивируют объединения генитива и латива камасинского языка в одну падежную форму. Представляется, что автор рецензируемой работы совершенно прав, говоря о том, что функция данной падежной формы соответствует нашим представлениям о генитиве и нет повода искать для нее другого наименования.

Характерно, что А. И. Йоки на материале ныне исчезнувших саяносамодийских языков установил, что форма генитива выражалась в них также суффиксом *-n. Согласно взгляду ряда исследователей (Б. Коллиндера, Э. Итконена, П. Хайду, Й. Ангере), суффикс генитива *-n встречается уже в древнеуральском языке. Другая часть уралистов (Д. В. Бубрих, Б. А. Серебренников, П. Равила, Л. Кеттунен, Й. Фаркас) считает, напротив, что этот формант развился из какого-то другого, обособленно в отдельных языковых группах или языках. По мнению А. Кюннапа, в древнесамодийском языке уже имелся суффикс *-n, назначением которого было выражение генитивных функций. Этот суффикс бесспорно связан с генитивным суффиксом -n финно-угорских языков.

Действительно, материальная общность форманта генитива во всех самодийских языках (как в современных, так и в ныне исчезнувших языках Саянского нагорья) позволяет считать, что он существовал уже во времена древнесамодийской языковой общности.

Нет единой точки зрения и в отношении образования аккузатива. Одни уралисты считают, что суффикс этого падежа *-m существовал уже в древнеуральском языке (Б. Коллидер, Б. Викман, Э. Итконен, П. Хайду, Й. Ангере, В. Таули); по мнению же других, эта падежная форма имеет довольно позднее происхождение (П. Равила, Й. Фаркас).

Исходная форма аккузатива на *-m имеется в финно-угорских языках — прибалтийско-финских, саамском, марийских, мордовских, мансийском. Как полагает А. Кюннап вслед за А. И. Йоки,

древнесамодийский аккузатив на *-m восходит к тому же источнику, что и одноименная форма финно-угорских языков.

Привлекая к сопоставлению соответствующие данные других самодийских языков, можно предполагать, что первоначально номинатив, генитив и аккузатив притяжательного склонения были обособленными. Вместе с тем и тогда в ряде случаев наблюдалось, по-видимому, совпадение отдельных лично-притяжательных формантов.

Выяснение происхождения и первоначальной системы падежных флексий, в особенности у пространственных падежей, является нелегкой задачей. Каждая из этих форм характеризуется большим количеством формантов, не все из которых объясняются фонетически. В разных падежах используются порой одни и те же суффиксы. Первичные функции некоторых падежей нередко утрачены. Заслуга А. Кюннапа состоит в том, что он с достаточной полнотой подытожил существующие точки зрения по этому вопросу, особо выделив те из них, которые представляются ему наиболее вероятными, привлек к исследованию новые языковые данные.

Не подлежит сомнению, что в возникновении пространственных падежей значительную роль играли местоименно-наречно-последложные частицы. Этот процесс наблюдается и в настоящее время в ряде образований севернесамодийских языков, однако вряд ли стоит преувеличивать значение данного фактора.

Особый интерес представляет вопрос об инструментальном падеже, который из других самодийских языков выделяется только в селькупском. Таким образом наличие особого падежа для выражения орудийности составляет особенность южносамодийских языков. Помимо своей прямой функции, эта падежная форма служит и для выражения совместности действия. В селькупском языке, кроме инструментального падежа, отмечается также комитатив, суффикс которого -*nortti* образуется, как показал А. И. Йоки, из форманта генитива -n и формы латива числительного «один».

Вопрос о происхождении инструментального падежа остается не вполне ясным. Не очень помогает и попытка связать формант этого падежа с конечным компонентом -*š* назначительно-превратительной (или: назначительной) формы ненецкого и энецкого языков. Образование последней еще вполне очевидно — она складывается из сочетания имени в номинативе с вспомогательным глаголом «быть». Такое предположение, высказанное применительно к ненецкому языку Г. Н. Прокофьевым, вполне подтверждается материалами окранных диалектов этого языка — канинского и таймырского. Таким образом, суффиксы -*ne*, -*neš*, -*š* в ненецком языке — диалектные разновидности одной и той же суффиксальной морфемы,

⁴ I. N.-S e b e s t y é n, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs, AL, VII, 1957, fasc. 1—2, 1958, fasc. 3—4; ее же, Zum Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs, «Commentationes fennougricae», Helsinki, 1962.

например: большеземельск. *ṭabekeṇe*, таймырск. *ṭabekeṇes*, канинск. *aṭkeš* «ребенком». Очень показательны в этом отношении данные энецкого и особенно иганасанского языков.

В составе падежных форм камасинского языка (в отличие от других самодийских языков) ни К. Доннером, ни А. Кюннапом не зафиксированы формы просективата (по нашей терминологии, продольного падежа).

Третья глава (стр. 156—182) посвящена рассмотрению посессивных суффиксов. Все посессивные суффиксы камасинского языка распадаются на две группы. Первую группу составляют те из них, которые употребляются у имен в форме «номинатива-генитива-аккузатива» и инструментального падежа, вторую — у имен в форме «латива-локатива» и аблатива. Наряду с регулярным употреблением этих суффиксальных морфем встречаются исключения: суффиксы первой группы могут иногда сочетаться с формами латива и локатива.

Согласно принятой схеме, вслед за посессивными суффиксами камасинского языка приводятся посессивные суффиксы других саяносамодийских языков, затем анализируются этого рода форманты в селькупском и в северносамодийских языках, выводятся первоначальные формы под знаком астериск и возводятся в конечном счете к древнеуральским посессивным формам.

В целом книга А. Кюннапа представляет собой по существу сравнительно-историческое исследование флективных суффиксов числа и падежа всех самодийских языков. Проводимые реконструкции представляются мотивированными и в значительном большинстве подкрепляются фактами современных самодийских языков. В добавление к основательно проштудированной автором литературе по уральским языкам, изданной в СССР и за рубежом, было бы желательно несколько шире отразить в работе взгляды и наблюдения советских языковедов (в первую очередь — Д. В. Бубриха, Г. Н. Прокофьева, Б. А. Серебrenникова, К. Е. Майтинской).

Автором книги, насколько это было возможно, привлечены архивные материалы по ныне исчезнувшим самодийским языкам Саянского нагорья (маторскому, карагасскому, койбальскому, тайги). Что касается камасинского языка, то А. Кюннапом тщательно изучены как опубликованные работы М. А. Кастрена, К. Доннера, так и их архивные материалы, хранящиеся в Хельсинкском университете. Значительная часть материалов по камасинскому языку собрана самим автором во время поездок в Сибирь, причем заснята им на пленку.

В отношении камасинского и других саяносамодийских языков А. Кюннап закономерно опирается на работу А. Йо-

ки, в которых факты этих языков получили наиболее полное освещение⁵. Им также учтены высказывания этого ученого как в общетеоретическом плане, так и в отношении селькупского языка.

На имеющихся неточностях в трактовке материалов северносамодийских языков остановлюсь лишь в тех случаях, когда они представляются существенными для построения некоторых выводов. Неясны, например, основания для выделения в ненецком (по терминологии А. Кюннапа, юракском) языке особого показателя двойств. числа *-saḡa* с его фонетическими вариантами (стр. 25) — слово *jufo/saḡa* в словосочетании *šid'e jufo/saḡa* «два приятеля» имеет иную морфологическую структуру: *jufo/sa/ḡa* (ср.: двойств. число *jufoša-ḡa*, мн. число *jufoš-*). Тем самым отпадает возможность для реконструкции на этой основе древней южносамодийской формы двойственного числа **-sV ~ *-zV* (стр. 27).

Сомнительно, чтобы конечный звук *ʝ* в личных местоимениях иганасанского языка являлся показателем мн. числа. Та же основа в ряде случаев выступает в ед. и в дв. числах. Например: *tyḡ-gū* «ты-ведь», *tyḡ-gū* «вы-двое-ведь», *tyḡ-gū* «вы-многие-ведь». Утвердительный суффикс *-gū* мн. вклинивается в состав личных местоимений (ср. ненецк. *pyd-ḡaḡa-r* «ты-то», *pyd-ḡaḡa-fi* «вы-двое-то», *pyd-ḡaḡa-ra* «вы-многие-то»).

Касаясь вопроса о том, насколько велико было в прошлом различие между двойств. и мн. числами, может быть, следовало бы сослаться на существующее положение в северносамодийских языках. Во всех этих языках в отличие от селькупского способы выражения падежных значений в ед. и мн. числах, с одной стороны, в двойственном — с другой, различаются очень существенно. Склонение в двойств. числе здесь по сути дела отсутствует: вместо падежных выступают аналитические формы, состоящие из сочетания имени в двойств. числе с тем или другим послелогом.

Говоря, что форма номинатива в камасинском языке в виде исключения используется в функции наречия, А. Кюннап ссылается и на другие самодийские языки, в которых, по его словам, можно наблюдать аналогичное положение, прежде всего при выражении времени, места, орудейности. В доказательство приводятся

⁵ См. вступление (стр. XII—LI) и грамматическую часть (стр. 119—190), написанные А. Й. Йоки, в кн.: «K. Donner's Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik», Helsinki, 1944; A. J. Jok i, Die Lehnwörter des Sajansamodjischen, Helsinki, 1952; его же, Über das Element *n* in der samodjischen Deklination, Helsinki, 1974.

примеры из ненецкого языка. Однако такие понятия, как «в этом году», «ночью», «ножом» и др., происходят от существительных в форме генитива, а не номинатива. Особенно отчетливо сказывается это во мн. числе и в лично-притяжательном склонении: *Tubéi' matorpido'* «Они рубят топорами»; *Haranda madada* «Он разрезал своим ножом». В селькупском языке употребление номинатива для выражения времени действия возможно в единичных случаях.

Вообще сомнительно наблюдаемое в книге отождествление разноплановых по своему назначению грамматических форм: номинатива и основы имени.

Вряд ли можно ставить в один ряд «падежные окончания» существительных, прилагательных, местоимений, с одной стороны, и наречий, послелогов — с другой. Как по образованию, так и по употреблению между соответствующими формами имеются принципиальные различия.

Думается, что фонетически не оправдывается связь реконструируемого древнесамодийского суффикса латива, локатива, аблатива *-*kV*, в частности, с ненецким суффиксом *-hi/-gi/-ki* (стр. 126—127). Суффикс *-hi* явно восходит к слову *hij* «окрестный; близлежащий, находящийся поблизости», и имеет, по-видимому, не столь давнее происхождение. Конечный гласный этого форманта в отличие от других образований с начальным *h* суффикса не подвергается ассимиляции. Ср., например: *pédara-hi* «лесной» и *pédara-had* «из леса», *to-hod* «из озера», *pe-hed* «из камня» и т. п.

Неясны семантические и формальные

обоснования для возведения ненецкого глагола *táñá-s* «иметься» к сочетанию наречия *táñá'* «туда» и вспомогательного глагола *ješ* «быть».

При реконструкции древних форм, вероятно, не всегда напрашивается однозначное решение. Поэтому в ряде случаев может быть полезен учет реально существующих языковых фактов.

В заключение следует сказать, что выход в свет рецензируемой книги можно только приветствовать. В проводимых исследованиях самодийских языков южносамодийским (за исключением селькупского) уделялось совершенно недостаточно внимания. До недавнего времени считалось, что все саяносамодийские языки полностью утрачены. Начиная с 1963 г. топонимическими экспедициями Уральского гос. ун-та под руководством А. К. Матвеева собран довольно значительный языковой материал от двух старых женщин, уроженок селения Абакаково на Саянах (Клавдии Плотниковой и Александры Жибьевой). Однако работ, которые вводили бы в научный оборот эти материалы, опубликовано не было.

Рецензируемая монография А. Кюннапа, дающая на современной научной основе тщательно подобранные и систематически изложенные данные камасинского языка в сравнении с фактами других самодийских, а также финно-угорских языков, несомненно, имеет существенное значение для дальнейшего развития сравнительно-исторической уралоистики.

Н. М. Терещенко

В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ, Буятское книжное изд-во, 1971. 250 стр.

В рецензируемой монографии впервые с наибольшей полнотой, точностью и достоверностью описывается фонетический строй и характеризуется лексика до настоящего времени еще малоизученного бесписьменного языка одной из небольших тюркских народностей — тофаларов (автор называет их тофами), или карагасов, которая проживает на северных склонах Восточных Саян. Монография базируется на полевых записях автора за период с 1964 по 1969 г., сделанных им на основе слухового метода в точной фонетической транскрипции. В процессе работы автором были проверены и уточнены лексические материалы, представленные в известных работах М. Кастрена, Н. Ф. Катанова, Н. П. Дыренковой. Описание фонетического строя языка тофаларов основано также на субъективно-слуховом методе (см. об этом «Предисловие», стр. 3).

Книга состоит из трех частей: описание фонетики тофаларского языка, общая характеристика лексики и приложение — словарь корневых основ. В небольшом «Введении» (стр. 4—9) сообщаются некоторые данные об истории и быте тофаларов, краткие сведения об истории изучения их языка, о месте последнего среди других тюркских языков, освещаются возможности установления фонетических и лексических различий в речи жителей селений Алыгджер и Верхняя Гутара Нижнеудинского района Иркутской области, административных центров двух сельсоветов, основных мест проживания тофаларов.

Раздел «Фонетика» (стр. 11—68) состоит из трех глав. В гл. I (стр. 15—38) подробно описывается вокализм тофаларского языка. В основу классификации фонем (как гласных, так и согласных)